

## Прелюдия сталинской эпохи: борьба за власть и выбор вождя в 1922–1925 годах

**Аннотация:** статья посвящена истории политической борьбы, развернувшейся в Советской России в связи с болезнью и смертью В. И. Ленина и приведшей на вершину власти И. В. Сталина. Анализируются материалы XII–XVII съездов РКП(б), партийных конференций и пленумов ЦК. Особое внимание уделено XIV съезду большевистской партии, осуществившему коренную перегруппировку сил в высших эшелонах коммунистического руководства, вытеснение на периферию политического олимпа Л. Д. Троцкого, Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева и избрание генеральным секретарем ЦК ВКП(б) Сталина подавляющим большинством голосов.

**Ключевые слова:** история, Советская Россия, партийно-политическая борьба, ленинизм, большевизм, троцкизм, сталинизм, культура, социализм.

Болезнь В. И. Ленина, начавшаяся в 1922 г., вызвала в политическом руководстве Советской России и прежде всего в Политбюро ЦК РКП(б) острую борьбу за власть, каждый из участников которой позиционировал себя как верного ленинца и продолжателя дела вождя мирового пролетариата. Основными претендентами на высшее руководство страной были глава Реввоенсовета и нарком по военным и морским делам Л. Д. Троцкий, нарком по делам национальностей И. В. Сталин, избранный в апреле 1922 г. генеральным секретарем ЦК РКП(б), заместитель Ленина на посту председателя Совета народных комиссаров Л. Б. Каменев и председатель Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьев.

На рубеже 1922–1923 гг. В.И. Ленин, предвидя скорую кончину, продиктовал политическое завещание — «Письмо к съезду», в котором дал характеристики некоторым своим соратникам, руководившим партией и страной. К самым «выдающимся вождям современного ЦК» он отнес Л. Д. Троцкого и И. В. Сталина, но при этом полагал, что их соперничество, основанное на некоторых специфических чертах их личностей, несет опасность раскола РКП(б) и как следствие — краха советской власти<sup>1</sup>. Ленин отмечал: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий.... Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК,

но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела»<sup>2</sup>. Ленин явно не знал, кому отдать предпочтение, однако все же счел необходимым внести дополнение к основному письму и, сказав, что «Сталин слишком груб», предложил «обдумать способ перемещения Сталина с этого поста и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение»<sup>3</sup>. То есть предпочтение было отдано Троцкому, хотя прямо об этом и не говорилось. После обсуждения фигур Сталина и Троцкого Ленин перешел к другим кандидатурам (Зиновьеву, Каменеву, Бухарину и Пятакову), находя у каждого из них какие-либо недостатки «личного качества». Тем не менее, сам факт их упоминания в ленинском «завещании» свидетельствовал о том, что и эти члены большевистского ЦК могли претендовать на верховную власть. Реальной силой обладали лишь Л. Д. Троцкий, державший в своих руках армию, И. В. Сталин, руководивший партийными кадрами, Л. Б. Каменев, управлявший советским правительством, и Г. Е. Зиновьев, воз-

<sup>1</sup> Ленин В. И. Письмо к съезду // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1982. С. 344–345.

<sup>2</sup> Там же. С. 345.

<sup>3</sup> Там же. С. 346.

главлявший исполком Коминтерна и одновременно являвшийся главой Ленинграда, города революции и оплота старых большевиков.

Среди претендентов на высшее руководство не было Ф. Э. Дзержинского, стоявшего у руля карательного аппарата страны, на котором собственно и держалась вся диктатура пролетариата. Он имел славу бескорыстного «вечного труженика», что должно было способствовать выдвижению его на роль главы Советской России, но этого не случилось. Никто не видел в нем вождя или идеолога, он в глазах соратников по партии являлся лишь «железным Феликсом» — стойким исполнителем воли партии, которого боялись практически все. Как писал В. Ф. Ходасевич, «в период болезни Ленина, а затем после его смерти многим большевикам пришлось действовать не машинально, не по наряду, а по собственному разумению. В довершение беды, нэп потребовал действий не по разрушению и пресечению, а по созиданию и налаживанию.... В число таких строителей поневоле попал и Дзержинский. Но ни в наркомпути, ни, особенно в совнархозе, он ничего не сделал. Поставить их на такую высоту, как ЧК, было ему не по силам. Единственное, что он мог, — это нагнать страху на подчиненных. Действовало его ужасное имя»<sup>4</sup>. Оно то, видимо, и мешало выдвинуть Дзержинского на высший государственный пост, хотя после его смерти в 1926 г. в ход был пущен лозунг, близкий каждому коммунисту: «Дзержинский умер, но дело его живет» (правда, оказаться подследственным этого «дела» не хотелось никому).

Борьба за верховную власть проявилась уже в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б), который впервые проходил без тяжело болевшего Ленина. Тогда член ЦК В. В. Осинский поставил под сомнение деятельность Г. Е. Зиновьева. Это вызвало отпор, в том числе и со стороны Сталина: «Если тов. Осинский серьезно думает предпринять такие атаки против того или иного члена ядра нашего ЦК, я должен его предупредить, что он наткнется на сплошную стену, о которую, я боюсь, он расшибет себе голову»<sup>5</sup>. Но почти сразу после XII съезда Сталин резко изменил свою позицию, что было вызвано предложениями Зиновьева и Каменева реформировать его детище — Секретариат ЦК РКП(б) — путем включения в него нескольких членов Политбюро с тем, чтобы «иметь известное равновесие сил и не наделывать больших политических ошибок», поскольку «Секретариат при Владимире

Ильиче это одно, а Секретариат без Владимира Ильича — это совершенно другое. При Владимире Ильиче кто бы ни был секретарем, кто бы ни был в Секретариате, все равно и тот и другой играли ограниченную служебную роль», а без Ленина «Секретариат ЦК должен приобрести абсолютно решающее значение»<sup>6</sup>. Для этого на совещании в Кисловодске летом 1923 г., в котором участвовали Н.И. Бухарин, К.Е. Ворошилов, Г.Е. Евдокимов, Г.Е. Зиновьев и М.М. Лашевич, предлагалось расширить Секретариат за счет Троцкого, Зиновьева и Каменева. Но Сталин решительно воспротивился, усмотрев в этом заговор против себя: «Разве Секретариат и Оргбюро не подчинены Политбюро?» — и что «значит руководить партией без Рыкова, без Калинина, без Томского, без Молотова, без Бухарина. ...Без указанных мной товарищей руководить партией невозможно»; поэтому, «если товарищи настаивают, я готов очистить место без шума, без дискуссии, открытой или скрытой, и без требования гарантий прав меньшинства»<sup>7</sup>. Но высокопоставленные товарищи не настаивали, Сталин «места не очистил», а борьба за власть продолжилась.

За попытками преобразовать сталинский Секретариат осенью 1923 г. последовали атаки членов ЦК РКП(б) на Реввоенсовет Троцкого. Схема действий была та же: путем включения в Реввоенсовет новых лиц размыть власть Троцкого, чему он решительно воспротивился, как и Сталин, сказав, что готов оставить пост и уехать простым солдатом в Германию делать там революцию. ЦК с этим не согласилось, и Троцкий продолжал быть председателем Реввоенсовета до 26 января 1925 г., что не означало прекращения нападков на него со стороны Каменева, Зиновьева, Сталина, Ворошилова. В ответ на обвинения в развале армии Троцкий 11 декабря 1923 г. обратился с письмом «К партийным совещаниям», призвав их встать на новый курс «критической самостоятельности, самоуправления», позволяющий партии «подчинить себе свой аппарат», вернуть «коллективную инициативу, право свободной товарищеской критики» и не дать «старикам окостенеть и незаметно для себя стать наиболее законченным выражением аппаратного бюрократизма», при котором уже сейчас «партия живет на два этажа: в верхнем — решают, в нижнем — только узнают о решениях»<sup>8</sup>. Это письмо Троцкого, требовавшего «устранить с партийных постов те элементы, которые при первом голосе

<sup>4</sup> Ходасевич В. Некрополь. Воспоминания. Стихотворения. М., 2011. С. 490–491.

<sup>5</sup> Четырнадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетень. № 9. М.; Л., 1925. С. 43. (Далее: XIV съезд РКП (б). Бюллетень. №...)

<sup>6</sup> XIV съезд РКП (б). Бюллетень. № 9. С. 45.

<sup>7</sup> XIV съезд РКП (б). Бюллетень. № 10. С. 26.

<sup>8</sup> Цит. по: Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 36–38.

критики, возражения, протеста склонны требовать партбилет на предмет репрессий»<sup>9</sup>, нашло поддержку 46 видных большевиков и получило название «Заявление 46». Они выступали против «теории вождя» и старого курса «на хороший аппарат и хорошего партийного чиновника», за внутривнутрипартийную демократию в форме коллективного руководства и коллективной самодеятельности<sup>10</sup>.

В ответ Политбюро, опираясь на слова Ленина о том, что «воля десятков и сотен тысяч может выразиться в одном лице. Эта сложная воля вырабатывается советским путем», обвинило подписантов во фракционной деятельности и оппозиционности, а самого Троцкого — в стремлении к единовластию<sup>11</sup>. Но его это не остановило: в декабре 1923 г. в газете «Правда» Троцкий издал серию статей под общим названием «Новый курс», в которых обрушился с резкой критикой РКП(б). Он говорил о том, что партия «превратилась в бесконтрольную и чуждую социализму касту», в «привилегированный командующий слой», в ничиную бюрократию, присвоившую себе как политическую власть, так и государство с государственной собственностью, что придало ей характер «социального паразитизма»: «Бюрократия победила большевистскую партию. Она победила программу Ленина, который главную опасность видел в превращении органов государства “из слуг общества в господ над обществом”», которые хотят «выжать из каждого как можно больше и дать ему в обмен как можно меньше»<sup>12</sup>.

Дальше этих громких слов дело у Троцкого не пошло, хотя его приверженцы, в том числе комсомольская молодежь, ждали от него военного переворота. Он не решился узурпировать власть, что не помешало Сталину на XIII партийной конференции (16–18 января 1924 г.) обвинить его в том, что он «противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями, дав тем самым повод известной части партии повести работу в сторону подрыва доверия к этому ЦК»<sup>13</sup>. Назвав троцкистскую оппозицию мелкобуржуазным уклоном, проявляющимся в «фетишизации вопроса о демократии», в непонимании того, что «бывают моменты, когда нет возможности и смысла проводить ее» и

«демократии развернутой, полной демократии, очевидно, не будет»<sup>14</sup>, Политбюро начало массированное вычищение троцкистов с государственных постов. Г. Е. Зиновьев предложил арестовать Троцкого, но вместо этого ЦК РКП(б) отправил того на лечение в Сухуми.

21 января 1924 г. умер В. И. Ленин, а спустя три месяца его вдова Н. К. Крупская передала партийному руководству «Письмо к съезду», заставившее большевиков в начале мая 1924 г. созвать чрезвычайный пленум ЦК, на котором и было зачитано это «политическое завещание». И. В. Сталин, как и год назад, вновь объявил о готовности отстраниться от дел, но большевистские вожди отклонили его заявление<sup>15</sup>. Зато Троцкого, названного в «Письме» «выдающимся вождем», продолжили травить и громить. Собравшийся следом XIII съезд РКП(б) под председательством Каменева, при главном политическом докладчике Зиновьеве и организационном отчете Сталина, вновь резко осудил троцкизм за «мелкобуржуазный уклон от марксизма и ревизию ленинизма»<sup>16</sup>. Троцкий, опиравшийся на армию и флот, не сдавался. В сентябре 1924 г. он написал статью «Уроки Октября», в которой (вслед за ленинским завещанием) напомнил всем о предательской позиции Каменева и Зиновьева накануне большевистского переворота, подчеркнув при этом, что решающую роль в октябрьских событиях играли лишь он, Троцкий, и Ленин. Ответом на «Уроки Октября» стали работы И. В. Сталина «Троцкизм или ленинизм?», «О Ленине и ленинизме» (М., 1924)<sup>17</sup>, обвинявшие Троцкого в полуменьшевизме и ревизии Ленина. Собравшийся в январе 1925 г. пленум ЦК РКП(б) поставил «вопрос о том, быть ли Троцкому в ЦК и Политбюро», но Сталин вдруг воспротивился лишению Троцкого политической власти и предложил лишь освободить его от руководства Реввоенсоветом и Наркоматом военно-морских дел. В результате того удалили из армии и направили на хозяйственный фронт. Он не сопротивлялся, что фактически означало отказ от борьбы за пост вождя.

За Троцким настала очередь Г. Е. Зиновьева, считавшего себя главным преемником В. И. Ленина. На XII и XIII съездах РКП(б) в 1923–1924 гг. Зиновьев выступал с основными политическими докладами, а затем издал претендовавшие на на-

<sup>9</sup> Цит. по: Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 4. С. 37.

<sup>10</sup> Там же. С. 40.

<sup>11</sup> Там же. С. 47.

<sup>12</sup> Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 19, 81, 196, 206, 214.

<sup>13</sup> Сталин И. В. XIII конференция РКП(б). Доклад об очередных задачах партийного строительства // Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 14.

<sup>14</sup> Там же. С. 7.

<sup>15</sup> См.: Троцкий Л. Д. Завещание Ленина // Горизонт. 1990. № 6. С. 38–41.

<sup>16</sup> Троцкизм // Большая советская энциклопедия. Т. 55. М., 1947. С. 44.

<sup>17</sup> Итогом интеллектуального состязания двух основных большевистских вождей стали собрания сочинений Л. Д. Троцкого (17 томов) и И. В. Сталина (13 томов).

учность книги «Ленинизм» (со статьей «Философия эпохи»), «Большевизация – стабилизация» и «История РКП(б)», призванные показать высокое политическое, теоретическое и практическое значение фигуры их автора, его важную роль в жизни страны. Они представляли собой «нечто вроде писаной конституции насчет того, как нам жить дальше» и говорили о начавшейся «фальсификации учения Ленина», о казенщине, завладевшей партийными рядами, бороться с которыми необходимо путем введения коллективного руководства в форме «диктатуры партии», но не вождей, а также развития лозунгов равенства и справедливости, тех самых лозунгов, что осенью 1917 г. обеспечили революционную победу большевикам<sup>18</sup>. Зиновьева не поняли; хуже того, назвали политиканом, ликвидатором и пораженцем, однако он продолжал бороться за власть под громким лозунгом «Назад к Ленину».

На XIV съезде большевистской партии в декабре 1925 г. основной отчетный доклад ЦК РКП (б) делал уже не Зиновьев, а Сталин, что не помешало главе Коминтерна выступить с параллельным политическим содокладом, большинством делегатов съезда воспринятым в штыки. Как сказал один рабочий, «Ленин оставил большой сундук всякого наследства» и «его кафтан начинают примеривать отдельные представители, отдельные члены Центрального Комитета. Но этот кафтан никому не подходит, не по плечу он и содокладчику ЦК. Это наследство должно быть наследством всей нашей партии и всего Центрального Комитета, и никто не должен протягивать руки один к этому наследству, к этому кафтану тов. Ленина, никому он не по плечу»<sup>19</sup>. В том же ключе высказался и М. П. Томский: «Мы, большинство данного съезда, считаем, что толкователями Ленина и ленинизма являются не его “любимые”, или нелюбимые ученики, или “близкие ученики”, а «рабочий класс и его коммунистическая партия. И те, кто знал Владимира Ильича, должны признать, что меньше всего для него, как последовательного революционера, как наиболее яркого коммуниста и действительно стопроцентного ленинца, всего меньшую для него роль играли лица, что он сам никогда не прощал и беспощадно вскрывал всякие ошибки, от кого бы они ни исходили, невзирая на лица, и не только сам вскрывал, но и нам это завещал»<sup>20</sup>.

Основная масса делегатов партийного съезда увидела в содокладе Зиновьева стремление не просто оттеснить Сталина, но и взобраться на самую

вершину власти, еще совсем недавно принадлежавшую Ленину. Поддержали Зиновьева лишь ленинградская партийная организация, а также Л. Б. Каменев. Последний говорил, что все они являются решительными противниками «теории единоличия», «того, чтобы создавать и делать “вождя”», и выступают за коллективное руководство — и упрекал Сталина в недостаточной твердости: «... наш генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб»<sup>21</sup>. Подразумевалось, что такой фигурой способен стать Зиновьев, требовавший «поручить Центральному Комитету привлечь к работе всех товарищей, все силы всех бывших групп в нашей партии» с тем, чтобы «обеспечить подлинную свободу обсуждения возникающих спорных вопросов», «лучшую выборность в наших партийных организациях», создания «полновластного Политбюро и служебного, подчиненного ему, Секретариата»<sup>22</sup>. Каменев, имея в виду Сталина, заявил: «Мы не можем считать нормальным и думаем, что это вредно для партии, если будет продолжаться такое положение, когда Секретариат объединяет и политику и организацию и фактически предпринимает политику»<sup>23</sup>.

Такая постановка вопроса нашла поддержку у Н. К. Крупской, наркома финансов Г. Я. Сокольников и других лиц, предлагавших убрать Сталина с поста руководителя Секретариата, оставив его членом Политбюро, а сам Секретариат превратить в исполнительный орган Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б). Сокольников считал, что в стране начал утверждаться «бюрократический социализм», при котором «госаппарат пленил ЦК, давит на него и диктует ему свою политику», в результате чего «не мы ведем за собою чиновничество, а оно вместе с буржуазией определяет наше сознание, — служит проводником в партию устряловской идеологии и политики»<sup>24</sup>. Среди участников съезда было распространено письмо «тов. Леонова тов. Уланову», возглавлявшему московскую партийную организацию, которая обвинялась в слепоте и недальновидности: Молотов «сидит, как раздатчик благодати, и раздает “эполеты”, — кому секретаря губкома, кому предгубисполкома и т. п. Его слушают, ему хлопают; докладывают, что все обстоит благополучно, — ну, он и доволен. <...> Сталин — это, конечно, большой человек, большой ум, хороший организатор, но его ум не аналитический, а схематический. Вопросы прошлого он разберет великолепно, так

<sup>18</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 9. С. 44, 55.

<sup>19</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 4. С. 26.

<sup>20</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 19. С. 36–37.

<sup>21</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 5. С. 57, 32, 56.

<sup>22</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 9. С. 59.

<sup>23</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 5. С. 56.

<sup>24</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 7. С. 22, 29.

что всем ясно станет. Но перспективы ему не уловить. Он к этому не привык»<sup>25</sup>. Противники Сталина были уверены в том, что «единственными истолкователями, наследниками, правильно понимающими Ленина, являются Каменев и Зиновьев», что только они могут стоять во главе ЦК РКП(б)<sup>26</sup>.

Однако большинство делегатов XIV съезда РКП(б), признав явное наличие кризиса Политбюро, не согласилось с подобной точкой зрения и «насчет “необъятной” власти Секретариата и генерального секретаря» высказалось четко и однозначно: «Нет, мы таких злоупотреблений не видали... А если не было злоупотреблений, не к чему тут трепать эти слова о необъятной власти»<sup>27</sup>. В. М. Молотов назвал выступления Зиновьева и Каменева «манифестом партийных вольностей», а А. И. Рыков говорил: «Они хотят немножко запугать нас, зная, что общий интерес партии заключается в том, чтобы Сталина, Зиновьева, Рыкова, Каменева и всех нас запрячь в одну запряжку, они выставляют условия, которые являются унижительными для партии. Я бы хотел, чтобы установилось полное сознание у оппозиции, так же, как и у всех членов партии, что <...> никогда и ни перед кем, ни перед Сталиным, ни перед Каменевым, ни перед кем-либо другим партия на коленях не стояла и не станет»<sup>28</sup>. После бурных аплодисментов в адрес Рыкова и криков «Позор!» в адрес ленинградской делегации на Каменева и Зиновьева посыпались обвинения в стремлении убрать Сталина с поста генерального секретаря РКП(б), расколота партию, разжечь идейные разногласия и борьбу за власть, закончившиеся решительным заявлением: «Мы не дадим вам командных высот!» — и громкими криками: «Сталина! Сталина!»<sup>29</sup> По словам М. П. Томского, «около секретаря ЦК Сталина образовалось большинство членов ЦК, а вот у т.т. Каменева и Зиновьева <...> образовалось меньшинство и пустота», ибо «ничего, кроме старых, всем известных лозунгов: свободы мнений, свободы дискуссии, свободы оттенков, вы не предложите. А это мы называем разложением ленинской партии», система же «единоличных вождей не может существовать и ее не будет...»<sup>30</sup>.

Таким образом, делегаты XIV съезда РКП(б) в массе своей отказались от всех кандидатур, предложенных В. И. Лениным, в пользу И. В. Сталина,

«бюрократический коммунизм» которого устраивал их больше, чем революционный максимализм Л. Д. Троцкого или лозунг «Назад к Ленину» Л. Б. Каменева и Г. Е. Зиновьева. «Было бы наивно думать, — писал Троцкий, — будто неведомый массам Сталин вышел внезапно из-за кулис во всеоружии законченного стратегического плана. Нет, прежде еще, чем он нащупал свою дорогу, бюрократия нащупала его самого. Сталин приносил ей все нужные гарантии: престиж старого большевика, крепкий характер, узкий кругозор и неразрывную связь с аппаратом, как единственным источником собственного влияния. Успех, который на него обрушился, стал на первых порах неожиданностью для него самого. Это был дружный отклик нового правящего слоя, который стремился освободиться от старых принципов и от контроля масс и которому нужен был надежный третейский судья в его внутренних делах. Второстепенная фигура перед лицом масс и событий революции, Сталин обнаружил себя, как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде»<sup>31</sup>.

За восемь лет, прошедших с Октября 1917 г., значительная часть высшего руководства СССР уже прочно укоренилась в начальственных креслах всех рангов; ей совсем не хотелось срываться с насиженных мест, быть солдатами мировой революции и признавать ее идеи в качестве единственной «Философии эпохи». Ей уже нужен был не боевой вождь, а бюрократ, обеспечивающий защиту и власть. Советское чиновничество превратилось в крупную силу, насчитывавшую в 1925 г. 1,85 млн. служащих и 1,02 млн. коммунистов, высший слой которых выкристаллизовался в номенклатуру, включавшую 3,5 тысячи должностей, в том числе 767 должности аппарата ЦК РКП(б)<sup>32</sup>. Все это находилось в руках Сталина как главы Секретариата и Оргбюро, который за год, прошедший с XIII съезда РКП(б), смог увеличить число партийцев почти вдвое<sup>33</sup>. Их назвали «ленинским набором», хотя сам Ленин всегда выступал против массового зачисления в коммунисты. Но Сталин знал, что делал: он хотел «растворить революционный авангард в сыром человеческом материале, без опыта, без самостоятельности, но зато со старой привычкой подчиняться начальству»; стремился заменить революционеров функционерами, для которых «Политбюро всегда право, и <...> никто не может быть правым против Политбюро»<sup>34</sup>.

<sup>25</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 7. С. 29.

<sup>26</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 8. С. 9.

<sup>27</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 24–25.

<sup>28</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 7. С. 36; Бюллетень. № 9. С. 78.

<sup>29</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 5. С. 56.

<sup>30</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 5. С. 73.

<sup>31</sup> Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 80.

<sup>32</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 2. С. 23, 27, 44, 46.

<sup>33</sup> На 1 мая 1923 г. коммунистов было 0,6 млн., государственных служащих — 1,2 млн. См.: Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М., 1947. С. 201, 198.

<sup>34</sup> Троцкий Л. Преданная революция. С. 84–85.

Новые большевики прекрасно понимали, что своим назначением они обязаны Сталину, а совсем не Троцкому, Каменеву и Зиновьеву, что лишь от него зависит их благополучие, как и благополучие старых большевиков, успевших вкусить прелести кабинетной жизни и не желавших отказываться от нее. Они говорили: «Довольно потрясений! Мы заслужили право отдохнуть. Мы сами у себя создадим социалистическое общество» и не позволим «ради международной революции втягивать нас в революционную войну»<sup>35</sup>. Стремление к миру вызвано было пошатнувшимся здоровьем большевиков, что не позволяло им больше вести активно-революционный образ жизни. Консультировавший коммунистов врач-психолог А. Б. Залкинд в статье «О язвах РКП» открыто говорил об «изношенности партактива», когда 30-летний человек носит в себе болезни 45-летнего, а 40-летний — почти старик, и все они в большинстве своем имеют комплекс «парттриады» (гипертонию, неврологическую патологию и вялый обмен веществ)<sup>36</sup>. В такой ситуации «кадровик» Сталин, призывавший строить административный социализм внутри России, выглядел надеждой на спокойное и сытое будущее. Как писал в 1928 г. старый большевик Х. Г. Раковский, «в представлениях Ленина и во всех наших представлениях, задача партийного руководства заключалась именно в том, чтобы предохранить и партию и рабочий класс от разлагающего действия привилегий, преимуществ и побряжек, присущих власти, от сближения ее с остатками старого дворянства и мещанства, от развращающего влияния нэпа, от соблазнов буржуазных нравов... Эту свою задачу партийный аппарат не выполнил» и «превратился в несменяемую и неприкосновенную олигархию, подменившую собою класс и партию»<sup>37</sup>.

Канонизировав фигуру В. И. Ленина, издав в 1924–1925 годы декреты «О порядке воспроизведения и распространения бюстов, барельефов, картин и т. п. с изображениями В. И. Ленина», дав добро на массовое издание его сочинений (с цензурными искажениями и изытиями, в том числе в отношении «Письма к съезду», отправленному в спецхран), партийные аппаратчики списали его наследие в архив, а сами переняли нравы недавних врагов — царских чиновников. Как и прежде, в Кремле при встречах с народом комиссары, забыв революционное требование отмены «тыканья», высокомерно обращались к приглашенным гостям на «ты», а затем, выпроводив их за ворота,

усаживались в шикарные автомобили, «экспропрированные у экспроприаторов», и разъезжались по наркоматам и канцеляриям. «Свинцовый зад бюрократии перевесил голову революции»<sup>38</sup>, которая буквально пошла кругом от неограниченных возможностей барского существования. Н. И. Бухарин с возмущением говорил о том, что в стране появились «привилегированные коммунистические группы. Когда для группы коммунистов закон не писан, когда коммунист может свою тещу, бабушку, дядюшку и т. д. тащить и “устраивать”, когда никто не может его арестовать, преследовать, если он совершил какие-нибудь преступления»<sup>39</sup>. Не удивительно поэтому, что многие делегаты XIV съезда РКП(б) называли идею равенства «эсеровщиной и колчаковщиной», ибо если принять ее за основу, то «надо нас тогда выселять из наших квартир и забирать автомобили», а также «уравнять заработную плату всех категорий рабочих» и служащих, квалифицированных и неквалифицированных; «на что это похоже, и до чего мы дожили?»<sup>40</sup>

М. И. Калинин открыто признавался, что лозунг равенства «имеет серьезные практические трудности, а в своем голом виде это — либерально-демагогический лозунг»<sup>41</sup>. В. М. Молотов с партийной трибуны пафосно «предостерегал от злоупотребления лозунгом равенства» и заявлял, что «не кто иной, как Ленин, <...> говорил о вреде обмана лозунгами свободы и равенства в наших условиях», а поэтому лозунг равенства, представленный в «Философии эпохи» Зиновьевым, «ошибочный и вредный», ибо если его начать претворять в жизнь, то «что тогда останется от защищаемой нами диктатуры пролетариата?»<sup>42</sup>. Молотова поддержал И. В. Сталин: «Лозунг о равенстве в данный момент есть эсеровская демагогия. Никакого равенства не может быть, пока есть классы и пока есть труд квалифицированный и неквалифицированный. <...> Нельзя играть фразой о равенстве, ибо это есть игра с огнем»<sup>43</sup>. «Зубодробительной линией» назвал позицию ленинградцев Е. М. Ярославский<sup>44</sup>. Но Зиновьев стоял на своем и не понимал, «почему это у нас равенство становится запрещенным, словом, почему хотят его спрятать под спуд», ведь все знают, «что мы через неравенство ведем их к равенству. Что тут опасного? Никакой опасности в этом нет, и нет здесь никакой “демагогии”. Ее надо

<sup>38</sup> Троцкий Л. Преданная революция. С. 81.

<sup>39</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 17. С. 25.

<sup>40</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 9. С. 30.

<sup>41</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 6. С. 27.

<sup>42</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 9. С. 75.

<sup>43</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 10. С. 19.

<sup>44</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 6.

<sup>35</sup> Цит. по: Троцкий Л. Преданная революция. С. 79–80.

<sup>36</sup> См.: Залкинд А. Б. О язвах РКП // Очерки культуры революционного времени. М., 1924.

<sup>37</sup> Цит. по: Троцкий Л. Преданная революция. С. 87, 86.

поискать у тех, кто выступает против этого лозунга», кто «обюрокчивает учение Ленина» и «говорит о ленинизме, как о ветхом завете»<sup>45</sup>.

Однако большинство партийных функционеров придерживалось иного мнения и видело в идее равенства явную угрозу своему благополучному существованию. Они решительно встали на сторону Сталина, полагая, что именно вокруг него должны сплотиться и большевистский штаб и большевистская партия. В. В. Куйбышев говорил в 1925 г.: «Тов. Сталину бросали обвинения в том, что он не может быть тем, кто сможет объединить вокруг себя силы старой большевистской гвардии. Мне кажется, это есть совершенное извращение действительного положения вещей. Я от имени всей Центральной контрольной комиссии заявляю, что именно тов. Сталин, являющийся генеральным секретарем нашей партии, является тем лицом, который сумел вместе и при поддержке большинства Центрального Комитета сплотить вокруг себя все лучшие силы партии и привлечь их к работе. Совершенно бесспорно, что теперешнее руководство Центрального Комитета в период от XIII до XIV съездов является лучшим из когда бы то ни было существовавших составов Центрального Комитета в смысле увеличения руководства и связи с местными организациями»<sup>46</sup> (т. е. лучше даже того состава ЦК, который был при Ленине). Аплодисменты и слова: «Правильно», — говорили о полном согласии большевистских функционеров с точкой зрения Куйбышева, с тем, что «это руководство и этот генеральный секретарь нашей партии является тем, что нужно для партии, чтобы идти от победы к победе», что он «становится действительным хозяином страны, действительным выразителем коллективной воли всей партии»<sup>47</sup>. Как подчеркивал К. Е. Ворошилов, «тов. Сталину, очевидно, уже природой или роком суждено формулировать вопросы несколько более удачно, чем какому-либо другому члену Политбюро. Тов. Сталин является, я это утверждаю, главным членом Политбюро, однако, никогда не претендующим на первенство, в разрешении вопросов он принимает наиболее активное участие и его предложения чаще проходят, чем чьи-либо другие»<sup>48</sup>.

Что это были за предложения? В середине 1920-х гг. Сталин выступал против изгнания из РКП(б) ее видных членов: «Политика отсеечения чревата большими опасностями для партии»; «... метод отсеечения, метод пускания крови <...> —

опасен, заразителен: сегодня одного отсекли, завтра другого, послезавтра третьего, — что же у нас останется в партии?»<sup>49</sup> Эти слова вызывали аплодисменты, которые после сталинской фразы, обращенной Зиновьеву: «Крови Бухарина требует? Не дадим вам его крови, так и знайте», — перерастали в крики: «Правильно!»<sup>50</sup>. «Опасность разброда и дезорганизации партии» Сталин собирался преодолеть путем «обращения к оппозиции с компромиссными условиями соглашения, рассчитанными на возможное примирение» — несмотря на громкие заявления о том, что социализм строится в белых перчатках нельзя, «мы не либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма», выше «интересов отдельных товарищей»<sup>51</sup>. В предложенной Сталиным XIV съезду РКП(б) резолюции (где, по его словам, были «смягчены некоторые формулировки в интересах мира в партии») утверждалось: «Мы против политики отсеечения. Это не значит, что вождям позволено будет безнаказанно ломаться и садиться на голову. <...> Поклонов в отношении вождей не будет. <...> Пленум решает у нас все, и он призывает к порядку своих лидеров, когда они начинают терять равновесие», и «если кто-либо из нас будет зарываться, нас будут призывать к ответу, — это необходимо, это нужно. Руководить партией вне коллегии нельзя. Глупо мечтать об этом после Ильича, глупо об этом говорить. Коллегиальная работа, коллегиальное руководство, единство в партии, единство в органах ЦК при условии подчинения меньшинства большинству, — вот что нам нужно теперь»<sup>52</sup>.

Эти тезисы Сталина, озвученные на XIV съезде РКП(б) и затем опубликованные в его собрании сочинений<sup>53</sup>, неоднократно прерывались овациями и возгласами: «Правильно!» То, что со временем они перейдут в свою полную противоположность, большинству съезда тогда и в голову не приходило: 559 его делегатов выразили им полную поддержку. Именно они, а вовсе не Сталин, требовали запретить публикацию статей Троцкого, Каменева, Зиновьева и Крупской, применить к ним самые строгие меры вплоть до репрессий<sup>54</sup>. Как говорил на съезде старый большевик, член Центральной контрольной комиссии РКП(б) Б. А. Ройзенман, «мы должны сказать и Надежде Константиновне, и тов. Зиновьеву, и тов. Каменеву, вам всем, дорогие това-

<sup>45</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 9. М.; С. 32–33, 55.

<sup>46</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 58.

<sup>47</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 58.

<sup>48</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 8. С. 11.

<sup>49</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 10. С. 21.

<sup>50</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 10. С. 24.

<sup>51</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 1. С. 61; Бюллетень. № 10. С. 27, 23.

<sup>52</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 10. С. 28–29.

<sup>53</sup> Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1947. С. 379–391.

<sup>54</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 4. С. 50.

риши-ленинградцы, что и с вами будем поступать по всем требованиям партдисциплины и, несмотря на лица, на положения, на должности, не будем в дальнейшем прощать те ошибки, о которых здесь идет речь»<sup>55</sup>. И не прощали. Уже тогда каждый ответственный совпартработник мог «подлежать закланию»<sup>56</sup>. Ради чего? Ради «железного единства» партии и страны, без которого, как отмечал Н.И. Бухарин, если «случится вести какую-либо огромную войну и ограждать наши завоевания от врага», массы не встанут «на защиту наших завоеваний с оружием в руках» и «вопрос о войне может стать действительно роковым вопросом»<sup>57</sup>. А для большевиков, путем войны пришедших к власти и посредством Гражданской войны ее удержавших, он играл колоссальную роль, поэтому «репрессии — в числе организационных, пропагандистских, моральных и прочих мероприятий»<sup>58</sup> были для них нормой. И вовсе не Сталин, как подчеркивал В. М. Молотов, а «партия, во всяком случае широкий партийный актив <...> оправдывали необходимость усиления жесткости и твердости диктатуры пролетариата в этот период»; более того, «вплоть до 1936 года многие старые члены партии, члены Центрального Комитета и Политбюро упрекали того же Сталина в чрезмерной мягкости по отношению к людям, проявляющим колебания и нерешительность в проведении генеральной линии партии, допускавшим большие и серьезные ошибки»<sup>59</sup>. И именно их имела в виду Н. К. Крупская, когда спустя всего два года после смерти Ленина говорила: «Будь Ильич жив, он наверное уже сидел бы в тюрьме»<sup>60</sup>.

Иначе говоря, в середине 1920-х гг. не только Сталин подстраивал «под себя» партию, но и партия выстраивала под себя Сталина, под свои нужды и интересы, в результате чего Сталин «стал осью партийного аппарата»<sup>61</sup>. Именно центральный аппарат в марте 1921 г. на X съезде РКП(б) запретил создание фракций, а в августе 1924 г. на совещании членов ЦК поставил вопрос о прекращении внутрипартийных дискуссий, вредящих единству страны, что через год на XIV съезде РКП(б) было озвучено Сталиным: «Нельзя увлекаться дискуссией. Мы — партия, правящая страной; не забывайте

этого. Не забывайте, что каждая размолвка сверху отдается в стране, как минус для нас. Я уже не говорю о загранице»<sup>62</sup>. Сталина поддержал А. И. Микоян, заявлявший от лица «товарищей»: «Мы не хотели, чтобы наши вожди передрались на глазах у наших врагов», чтобы «на глазах всего мира наши вожди крыли друг друга», поэтому наш «долг сидеть в ЦК в роли, выражаясь вульгарно, городских и не допускать, чтобы вожди передрались»<sup>63</sup>. Так партийно-бюрократический аппарат ради сохранения власти и удобства управления перенес авторитарный режим диктатуры пролетариата на внутреннюю жизнь РКП(б), все разногласия которой с этого времени стали загонять в угол и прятать от глаз народа (например, в «Сборник материалов по спорным вопросам», изданный в ходе XIV съезда РКП(б) только для членов ЦК).

Подобное поведение объяснялось страхом, что «дискуссия по тем острым вопросам, которые были предметом расхождения в недрах ЦК», выльется на улицу, станет предметом обсуждения народа и «этот дискуссионный спор внутри широких масс крестьянства в конце концов может кончиться очень плохо для действительно прочного союза между рабочим классом и крестьянством», а значит и для большевиков, основывавших на нем свою политику и власть<sup>64</sup>. Поэтому В. В. Куйбышев заявлял: «Мы, члены президиума ЦКК, согласны с большинством Центрального Комитета о необходимости принять все меры к внутреннему изжитию начавшихся разногласий и к тому, чтобы ни в каком случае, ни под каким видом не была допущена открытая дискуссия», но «когда разногласия уже разразились, когда имеется уже организационная борьба по линиям этих разногласий, задачей ЦКК является карательная мера»<sup>65</sup>. Ее применение возложили на силовые ведомства; их деятельность нашла поддержку как в партийной среде, так и в массе простого народа. Однако Сталин, по крайней мере на словах, придерживался тогда более мягкой линии, отмечая, в частности, 18 декабря 1925 г.: «Беднота все еще проникнута иждивенческой психологией, она надеется на ГПУ, на начальство, на что угодно, только не на себя, не на свою силу. Вот эта пассивность и иждивенческая психология должны быть выветрены из сознания бедноты», которой надо «бороться не путем обращения в ГПУ, а путем политической борьбы, путем организованной борьбы <...> при помощи коммунистической партии и при

<sup>55</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 23.

<sup>56</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 6. С. 29.

<sup>57</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 9. С. 34–35.

<sup>58</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 15. С. 12 (слова М. П. Томского).

<sup>59</sup> Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 86.

<sup>60</sup> Цит. по: *Троцкий Л.* Преданная революция. С. 81.

<sup>61</sup> Там же. С. 83.

<sup>62</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 10. С. 28.

<sup>63</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 4. С. 42–43.

<sup>64</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 50.

<sup>65</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 11. С. 6. Бюллетень. № 12. С. 47.



помощи государства», а также советов, кооперации, других общественных институтов<sup>66</sup>. Пять лет спустя, в 1930 г. на XVI съезде ВКП(б) в отчетном политическом докладе Сталин говорил: «Некоторые товарищи думают, что главное в наступлении социализма составляют репрессии, а если репрессии не нарастают, то нет и наступления. Верно ли это? Конечно, неверно»<sup>67</sup>. Другой вопрос, что в условиях тоталитарного государства и однопартийной системы все заканчивалось именно репрессиями, в том числе и доносительство, поощрявшееся большевиками и принявшее всеобщий характер.

Эта проблема обсуждалась даже на XIV съезде РКП(б). Некоторые его участники говорили о развитии «культы доноительства», принимающего «такие формы, такой характер, когда друг своему другу задушевной мысли сказать не может». На это делегат Шкирятов отметил: «Товарищи, есть доносы и доносы (Рязанов с места: “Правильно!”); если под доносами подразумевается «то, что члены партии следят за моральной жизнью другого члена партии, подсматривают в окно, как он живет, то, конечно, такими доносами не нужно заниматься и так следить за каждым членом партии не нужно. Но если член партии замечает, что отдельные члены партии хотят создать какие-нибудь идейные группировки, и он об этом знает, но об этом не сообщает в высшие партийные органы, то это неправильно. Это — не донос, это — обязанность каждого члена партии. (Голос: “Правильно!”) Никакого преступления тут не подразумевается»<sup>68</sup>. Шкирятова поддержал делегат Гусев: «Ленин нас когда-то учил, что каждый член партии должен быть агентом ЧК, т. е. смотреть и доносить», а не страдать «припадками мещанской морали»<sup>69</sup>. На это представитель ленинградской партийной организации Николаева заметила: «Чекист это есть то орудие, которое направлено против врага», т. е. «против буржуазии. Разве можно, товарищи, сравнивать то, что мы должны были быть чекистами в период гражданской войны, и настоящее время? <...> Это никуда не годится. Доносы на партийных товарищей, доносы на тех, кто будет обмениваться по-товарищески мнением с тем или иным товарищем, это будет только разлагать нашу партию», и «такая система в партии будет наносить ущерб, она будет затушевывать истинное недовольство, ряд недоуменных вопросов, которые возникают у каждого мыслящего коммуниста, задумывающегося

ся над теми явлениями, которые встают перед ним в современной трудной, сложной обстановке»<sup>70</sup>.

Однако «мыслящих коммунистов» в РКП(б) явно было меньшинство, что признавали и сами большевики. Так Д. Б. Рязанов говорил, что «теоретический уровень нашей партии страшно понизился, <...> его качественный уровень» и над РКП(б) «тяготеет мужицкий нажим»<sup>71</sup>. Поэтому победили те, кто требовал «самым решительным образом отмести в нашей партийной практике название коммунистов доносчиками за то, что они предупреждают партию об опасности и вскрывают болезни наших партийных организаций или уклоны и ошибки отдельных товарищей»<sup>72</sup>. Куйбышев в эмоциональном запале спрашивал: «Применимо ли слово “донос” к заявлению члена партии, в котором заключается предупреждение партии о каком-либо неблагоприятном явлении в той или другой организации? Я считаю, что это не донос, это сообщение, являющееся обязанностью каждого члена партии» и «было бы преступно с его стороны самому тревожиться теми или другими сообщениями и хранить их внутри себя только потому, что передача личного разговора является <...> каким-то морально недопустимым делом, это — пустая формалистика, которой пытаются опорочить совершенно правильные, иногда героические попытки некоторых членов партии»<sup>73</sup>.

В результате доноительство, чаще всего тайное, при отсутствии открытых и свободных дискуссий приняло всеохватный характер. На том же XIV съезде РКП(б) многочисленные докладчики не стеснялись обвинений друг друга в «извращении ленинских взглядов», «отходе от ленинизма», в «наклеивании эпитетов ликвидаторства, меньшевизма, безверия», «навязывания ярлыка раскольников» и проч.<sup>74</sup> Больше всего доставалось меньшинству съезда — 65 делегатам, отказавшимся поддержать Сталина и его сторонников Молотова и Бухарина, которые «видят желаемое и ожидаемое как бы в настоящем», полны иллюзий и ради них «загоняют внутрь недовольство, заставляют молчать и не обмениваться мнениями мыслящих членов партии, думающих о ее судьбах и о вопросах, с которыми нас сталкивает жизнь»<sup>75</sup>. Меньшинство было уверено в том, что «все это, вместе взятое, до добра не доведет», что «организационные репрес-

<sup>66</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 1. С. 56–57 (выделено автором. — Т. П.)

<sup>67</sup> Цит. по: Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 2. С. 87.

<sup>68</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 11. С. 53, 58.

<sup>69</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 24.

<sup>70</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 39.

<sup>71</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 14. С. 6, 11.

<sup>72</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 44–45.

<sup>73</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 53.

<sup>74</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 38, 40.

<sup>75</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 4. С. 14; Бюллетень. № 12. С. 39.

сии, смещения и т. п.», возможно, начнутся сразу после съезда. В ответ на это раздалась негодующие «возгласы с мест: “Вы всегда боялись”, “Это безобразно, черт знает что!”»<sup>76</sup> Большинство не хотело вслушаться в слова Н. К. Крупской, говорившей о том, что «в силу нашего устава у нас есть Оргбюро и Секретариат с громадной властью, дающей им право перемещать людей, снимать их с работы. Это дает нашему Оргбюро, нашему Секретариату действительно необъятную власть» и «надо с большей внимательностью, чем делалось это до сих пор, посмотреть, как разумно ограничить эти перемещения, эти снятия с работы, которые создают в партии часто невозможность откровенно, открыто высказываться» и «как сделать, чтобы получить для партии возможность создания внутрипартийной демократии. Если мы будем писать резолюции о внутрипартийной демократии и в то же время создаем такие условия для каждого члена партии, что за открыто высказанное мнение он может быть перемещен на другую должность, то все наши благие пожелания о внутрипартийной демократии останутся на бумаге»<sup>77</sup>.

Это и произошло, ибо основная масса партийных функционеров видела «суть ленинизма» не в «свободе группировок, фракций, дискуссий, свободе толкований резолюций съезда», а в жестком подчинении меньшинства большинству. М. П. Томский, обращаясь к оппозиции, сложившейся на XIV съезде, заявлял: «Или-или — так ставится перед вами вопрос. Так и только так могут его ставить большевики», ибо «как может правящая пролетарская партия при наличии гарантий для организованного меньшинства, при наличии коалиции внутри партии, при обеспечении свободы дискуссий, — как может она в этих условиях держать власть в своих руках, в руках нашего класса. Не может! И все, кто говорит о единстве и притом отстаивает свои права на дискуссии, группировки и т. д., — те впустую палят и демократизмом, и единством, и ленинизмом, те ничего не понимают, ничего не усвоили из учения Ленина о партии, об условиях успешного проведения пролетарской диктатуры»<sup>78</sup>. В том же ключе выступал А. И. Рыков: «Требования свободы критики постановлений съезда, свободы всех партийных группировок в обстановке пролетарской диктатуры и враждебного окружения <...> целиком противоречат ленинизму»<sup>79</sup>. В. М. Молотов особо выделял мысль

Ленина о том, что «волю класса иногда должен осуществлять диктатор», «нам нужно единовластие и “твердая рука”»<sup>80</sup>.

Так, отказом от фундаментальных основ революции (от демократии, свободы и равенства) началась сталинская эпоха, превратившая их в свою полную противоположность. Революционеры, включавшие на заре XX в. в свои программы требования «неограниченной свободы слова», «равноправности всех граждан», «неприкосновенности личности» и т. д., спустя менее четверти века стали контрреволюционерами, могильщиками революции, которая была им уже не нужна, более того — опасна, так как грозила лишением власти и могущества<sup>81</sup>. Запрет дискуссий, критики большевистской партии, поощрение доноительства окончательно похоронили свободу; и не случайно, что именно с периодом «секретарства» Сталина связано введение 58 статьи в Уголовный кодекс, создание ГУЛАГа, восстановление цензуры в лице Главлита и Главреперткома. Положение о последнем, принятое 26 февраля 1934 г., говорило о запрете на публичное исполнение и распространение всех «идеологически невыдержанных» произведений, «содержащих агитацию или пропаганду против советской власти и диктатуры пролетариата» и «возбуждающих националистический и религиозный фанатизм»<sup>82</sup>. Как писал М. А. Волошин:

*Они пройдут — расплавленные годы  
Народных бурь и мятелей:  
Вчерашний раб, усталый от свободы, —  
Возрощется, требуя цепей.  
Построит вновь казармы и остроги,  
Воздвигнет сломанный престол,  
А сам уйдет молчать в свои берлоги,  
Работать на полях, как вол,  
И, отрезывая от крови и угафа,  
Цареву радуясь бичу,  
От угольев погасшего пожара  
Затеplit яркую свечу»<sup>83</sup>.*

Интеллектуальная элита России, наблюдая за претворением большевизма в жизнь, отмечала удивительное его «внутреннее сродство» с самодержавием, которое они свергли. «Констатирую лишь одно, — писала З. Н. Гиппиус: — большевики физически сидят на физическом насилии и сидят крепко. Этим держалось самодержавие, но не имея за собой традиций и привычки, больше-

<sup>76</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 4. С. 14; Бюллетень. № 10. С. 46.

<sup>77</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 12. С. 60.

<sup>78</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 19. С. 40–41.

<sup>79</sup> XIV съезд РКП(б). Бюллетень. № 19. С. 50.

<sup>80</sup> Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 56.

<sup>81</sup> См., например, программу РСДРП 1903 г.: Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 418–424.

<sup>82</sup> Культура в нормативных актах Советской власти. 1930–1937. М., 2011. С. 295.

<sup>83</sup> Волошин М. А. Стихотворения. М., 2009. С. 110.

вики, чтобы достигнуть крепости самодержавия, должны увеличивать насилие до гомерических размеров. Так они и действуют. Это в соответствии с национальными особенностями русского народа, непонятными для европейца. Чем власть диче, чем она больше себе позволяет — тем ей больше позволяют»<sup>84</sup>. Об том же говорил М. А. Волошин: «Выборное начало уступило место централизации, социалисты стали чиновниками, канцелярское бумагопроизводство удесятерилось, взятки и подкупность возросли в сотни раз, рабочие забастовки были объявлены государственным мятежом и стачечников стали беспощадно расстреливать, на что далеко не всегда решалось царское правительство, армия была восстановлена, дисциплина обновлена и в связи с этим наметились исконные пути московских царей», и в первую очередь Петра Великого, по примеру которого большевики «мечтают перебросить Россию через несколько веков вперед, так же, как Петр, они хотят создать ей новую душу хирургическим путем, так же, как Петр, цивилизуют ее казнями и пытками...»<sup>85</sup>.

Чтобы прикрыть явную репрессивность режима, в 1936 г. была принята новая (сталинская) конституция, заявившая о победе социализма и гарантировавшая гражданам свободу слова, печати, собраний, уличных шествий. Но все это «имеет форму тяжелого намордника», поскольку «свобода печати означает сохранение свирепой предварительной цензуры, цепи которой сходятся в секретариате никем не избранного ЦК», а «грубое и невежественное командование над наукой, литературой и искусством сохраняется целиком», гарантия же «свободы собраний» означает лишь «обязанность известных групп населения являться на собрания, созываемые властью для вынесения заранее составленных решений», в общем, сталинская бюрократия, «говоря о победе социализма, понимала под этим свою собственную победу», и только<sup>86</sup>.

Именно поэтому введение «самой демократической конституции в мире» не означало прекращения борьбы с контрреволюцией, под которой уже подразумевалась борьба не с классовыми врагами пролетариата, а исключительно с теми, кто верил в революцию, стремился к ее расширению и выступал против ее термидорианского перерождения в лице советской бюрократии: с участниками Дела «Союза марксистов-ленинцев» (1932), главным подследственным которого был М. Н. Рю-

тин — большевик с 1914 г., председатель Управления фотокинопромышленности и член президиума ВСНХ, автор платформы «Сталин и кризис пролетарской диктатуры»; с членами «Бухаринской школы», по судебному делу которой в 1933 г. были осуждены 34 человека, в основном слушатели Института красной профессуры. Все это объясняет, почему в 1936 г., одновременно с принятием конституции, нарком внутренних дел Н. И. Ежов писал Сталину, что «стрелять придется довольно внушительное количество. Лично я думаю, что на это надо пойти и раз навсегда покончить с этой мразью. Понятно, что никаких процессов устраивать не надо. Все можно сделать в упрощенном порядке...», разбив арестованных и ссыльных по мерам наказания «на 5 категорий. Первая категория — расстрел», к ней относятся «провокаторы (двойники) и виднейшие активные организаторы террора. Вторая категория — 10 лет тюрьмы и 10 лет ссылки», для «менее активных участников террористических групп» и людей, «помогавших террористам. Третья категория — 8 лет тюрьмы и 5 лет ссылки. Четвертая категория — 5 лет тюрьмы и 5 лет ссылки. И пятая категория <...> до 5 лет тюрьмы»<sup>87</sup>.

Сталин ликвидировал не только членов коммунистического ЦК, упоминавшихся в ленинском «завещании», но и большинство делегатов XIV съезда РКП(б), жарко обсуждавших зимой 1925 г. его кандидатуру на посту генерального секретаря и давших ему добро на руководство страной: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Сокольникова, Рыкова, Ежова, Ройзенмана... А вместе с ними и многих других граждан Советской России, осмеливавшихся свободно мыслить, критически оценивать окружающую их социалистическую действительность и отстаивать свою точку зрения на развитие страны. Прозрение придет слишком поздно. В 1934 г. на XVII съезде ВКП(б) при выборе Центрального комитета против Сталина проголосуют почти 300 делегатов, но это уже ничего не сможет изменить; более того, результаты этого протестного голосования подтасуют, Сталина объявят победителем, а его основной оппонент С. М. Киров 1 декабря 1934 г. получит смертельную пулю в Смольном дворце, который с 1917 г. являлся цитаделью и символом большевизма. С этого момента лозунги «Требуем расстрела!» и «Раздавить гадину!» станут повсеместно, а заголовки передовых статей советской прессы будут кричать: «Мы восхищены славной работой НКВД!». Некоторые большевики призыв «требуем расстрела» поняли конкретно и расстреляли себя сами (например, Томский по-

<sup>84</sup> Гиппиус З. Н. Современная запись 1914–1919 гг. Дневник // Мережковский Д. С. Большая Россия. Л., 1991. С. 234.

<sup>85</sup> Волошин М. А. Распятая Россия // Волошин М. А. Стихотворения. М., 2009. С. 41–42.

<sup>86</sup> Троцкий Л. Преданная революция. С. 217–218, 242.

<sup>87</sup> Исторический архив. 2011. № 4. С. 77.

кончил жизнь самоубийством в августе 1936 г.). Другие же активно включились в работу репрессивной машины, которая затем уничтожила и их самих. Так, командарм И. Э. Якир, со времен Гражданской войны прославившийся массовыми казнями мирного населения и считавший необходимым расстреливать всех «врагов народа», в мае 1937 г. неожиданно для себя оказался в их числе. Из тюрьмы он обратился к Сталину с письмом, выражавшим «слова любви к нему, к партии и стране», но вождь поверх них написал: «Подлец и проститутка», — Ворошилов добавил: «Совершенно точное определение», — а Каганович пояснил: «Предателю, сволочи... одна кара — смертная казнь» (что и произошло летом 1937 г.)<sup>88</sup>. С подобной постановкой вопроса был согласен и нарком просвещения А. С. Бубнов: «Надо ликвидировать последствия право-троцкистско-фашистского вредительства» и «выкуривать правотроцкистских выродков <...> — бюрократов, нытиков, скептиков, недовольных и брюзжащих»<sup>89</sup>. Не прошло и трех месяцев, как в их числе оказался и он сам (арестован 17 октября 1937 г., расстрелян 1 августа 1938 г.).

К началу 1940-х гг. от последнего ленинского состава Политбюро, включавшего 8 человек (Ленина, Троцкого, Сталина, Каменева, Зиновьева, Бухарина, Калинина, Молотова) остались в живых лишь трое (Сталин, Молотов и Калинин). У двух последних членов Политбюро жены сидели в тюрьме, поэтому они полностью зависели от Сталина, в руках которого оказалась вся власть в стране, весь ее партийно-государственный и хозяйственный аппарат. Сталин собственноручно подписал 383 списка арестованных лиц с фамилиями 44 тысяч человек (39 тысяч из них были расстреляны)<sup>90</sup>. Но он никогда бы не смог сделать этого единолично. На XV съезде ВКП(б) в 1926 г. открыто заявлялось: «Довольно мягкого режима... Довольно!», — и Сталин шел навстречу требованиям партийцев, многие из которых в 1933–1934 гг. говорили о нем, как о «персональном воплощении ума и воли партии» (Бухарин), «самом ярком из учеников Ленина, <...> более теоретически и практически подкованным в борьбе против оппозиции» (Томский), и выражали ему «абсолютное доверие», отмечая: «Товарищ Сталин борется с врагами социализма как знамя, как выразитель воли миллионов» (Каменев); «Товарищ Сталин — это образец большевика» (Киров)<sup>91</sup>. В угаре славословия, звучавшего с трибуны

XVII съезда ВКП(б), они ратовали даже за то, чтобы он «тяжелой рукой колотил нас», чтобы «нас поборо — поборол правильно и справедливо»<sup>92</sup> (не подозревая, насколько точно Сталин исполнит их наказ). Троцкий писал: «Бюрократии нужен неприкосновенный суперарбитр, первый консул, если не император, и она поднимает на своих плечах того, кто наиболее отвечает ее притязаниям на господство. <...> Каждый из них на своем посту считает: “Государство — это я!” В Сталине каждый без труда находит себя. Но и Сталин в каждом из них открывает частицу своего духа. Сталин есть персонификация бюрократии: в этом состоит его политическая личность»<sup>93</sup>.

Слова Троцкого в полной мере согласуются с мнением его политического оппонента В. М. Молотова, спустя три десятилетия отмечавшего: «Мы рубили лес и летели щепки. Были ли ошибки? ... Были. И главнейшей из ошибок Сталина и всего Политбюро» было то, «что они *переоценили* в какой-то мере *качество* нашего государственного и партийного аппарата, переоценили нашу собственную революционную сознательность и совесть. Они полагались на нас, а мы, и в немалом числе, оказались зараженными элементами карьеризма, сведения личных счетов и, зачастую, самой обыкновенной политической близорукости»<sup>94</sup>. Однако расплачиваться за ошибки большевистского руководства приходилось ни в чем не повинным людям. Как писала О. Ф. Берггольц: «...советизация — любой ценой, но она невозможна. Да и “любая цена”... Это значит — моя погубленная жизнь, во мне и в миллионах “меня”, т. к. я теперь знаю, что все — как я, что все — только Я»<sup>95</sup>.

Компартия в 1925 г. возвела Сталина на вершину власти, она же заставляла его следовать железной логике гражданского противостояния: кто не с нами, тот против нас. И это не только те, кто боролся против нее с оружием в руках, но и все сомневавшиеся в правоте ленинско-сталинского большевизма, в истинности социалистической идеи, в верности марксизма-ленинизма: рабочие, не видевшие различия между социалистическим и капиталистическим предприятием; беспаспортные крестьяне, не имевшие права покинуть свои деревни; интеллигенция, лишённая свободы слова, а значит и творческой свободы самовыражения. Сталин по воле партии перенес ее диктаторские порядки на всю страну, превратившуюся в

<sup>88</sup> Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 1. С. 75.

<sup>89</sup> ГА РФ. Ф. 2306. Оп. 69. Д. 2286. Л. 1.

<sup>90</sup> Отечественная история. 2003. № 1. С. 181.

<sup>91</sup> Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 65, 68–69; Вопросы истории. 2011. № 1. С. 75.

<sup>92</sup> Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 68–69.

<sup>93</sup> Троцкий Л. Преданная революция. М., 1991. С. 229.

<sup>94</sup> Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 3. С. 82.

<sup>95</sup> Ольга. Запретный дневник. СПб., 2010. С. 53.

боевой лагерь, который охранял большевистскую власть от посягательств и решительно расправлялся не только с внешними, но и с внутренними

врагами — с той частью собственного народа, что считала сталинский путь тоталитарного развития гибельным для России.

### **Список литературы:**

1. Культура в нормативных актах Советской власти. 1917–1937. М.: «Юридический Дом «Юстицинформ», 2009–2011.
2. Ленин В. И. Письмо к съезду // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. М., 1982.
3. Мережковский Д. С. Больная Россия. Л.: ЛГУ, 1991.
4. Ольга. Запретный дневник. СПб.: Издательская группа «Азбука-Классика», 2010.
5. Письмо В. М. Молотова в ЦК КПСС (1964 г.) // Вопросы истории. 2011. № 1–5.
6. Сталин И. В. XIII конференция РКП(б). Доклад об очередных задачах партийного строительства // Сталин И. В. Сочинения. Т. 6. М., 1947.
7. Сталин И. В. XIV съезд ВКП (б). 18–31 декабря 1925 г. Политический отчет Центрального Комитета // Сталин И. В. Сочинения. Т. 7. М., 1947.
8. Троцкий Л. Преданная революция. М.: РИК, 1991.
9. Ходасевич В. Некрополь. Воспоминания. Стихотворения. М.: Эксмо, 2011.
10. Четырнадцатый съезд Российской коммунистической партии (большевиков). Бюллетени. № 1–19. М.; Л., 1925.

### **References (transliteration):**

1. Kul'tura v normativnykh aktakh Sovetskoy vlasti. 1917–1937. M.: «Yuridicheskiy Dom «Yustitsinform», 2009–2011.
2. Lenin V. I. Pis'mo k s'ezdu. Poln. sobr. soch. T. 45. M., 1982.
3. Merezhkovskiy D. S. Bol'naya Rossiya. L.: LGU, 1991.
4. Ol'ga. Zapretnyy dnevnik. SPb.: Izdatel'skaya gruppa «Azбуka-Klassika», 2010.
5. Pis'mo V. M. Molotova v TsK KPSS (1964 g.) // Voprosy istorii. 2011. № 1–5.
6. Stalin I. V. XIII konferentsiya RKP (b). Doklad ob ocherednykh zadachakh partiynogo stroitel'stva // Stalin I. V. Sochineniya. T. 6. M., 1947.
7. Stalin I. V. XIV s'ezd VKP (b). 18–31 dekabrya 1925 g. Politicheskiy otchet T'sentral'nogo Komiteta // Stalin I. V. Sochineniya. T. 7. M., 1947.
8. Trotskiy L. Predannaya revolyutsiya. M.: RIK, 1991.
9. Khodasevich V. Nekropol'. Vospominaniya. Stikhotvoreniya. M.: Eksmo, 2011.
10. Chetyrnadtsatyy s'ezd Rossiyskoy kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Byulleteni. № 1–19. M.; L., 1925.